

УДК 321.6/.8

DOI: 10.17506/18179568_2023_20_1_8

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ МИРОВОЗЗРЕНИЯ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ЦИФРОВОЙ СРЕДЫ: АНАЛИЗ АКАДЕМИЧЕСКИХ ДИСКУРСОВ*

Сергей Владимирович Володенков,

Государственный академический университет гуманитарных наук,
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия,
s.v.cyber@gmail.com

Сергей Николаевич Федорченко,

Государственный академический университет гуманитарных наук,
Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»,
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия,
s.n.fedorchenko@mail.ru

Николай Михайлович Печенкин,

Государственный академический университет гуманитарных наук,
Финансовый университет при Правительстве РФ,
Москва, Россия,
nick_pechyonkin@mail.ru

* Исследование выполнено в рамках проекта «FZNF-2022-0001 – Возможности и особенности формирования мировоззрения в цифровой среде» при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Экспертного института социальных исследований.

© Володенков С.В., Федорченко С.Н., Печенкин Н.М., 2023

Статья поступила в редакцию 11.10.2022, принята к публикации 07.03.2023

Для цитирования: Володенков С.В., Федорченко С.Н., Печенкин Н.М. Особенности формирования мировоззрения в условиях современной цифровой среды: анализ академических дискурсов // Дискурс-Пи. 2023. Т. 20. № 1. С. 8–26. https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_1_8

Аннотация

Статья посвящена выявлению и изучению особенностей процессов формирования мировоззрения в условиях развития современного цифрового пространства, для чего проведен анализ существующих по данной проблеме дискурсов в академической среде. Интенсивное развитие глобальной и национальной цифровой инфраструктуры и соответствующих технологий цифровой коммуникации, «погружение» современного человека в цифровую среду выступают, по мнению авторов, значимым фактором формирования и трансформации существующих мировоззренческих систем. Это связано в первую очередь с коммуникационными основами конструирования мировоззренческих компонентов, в силу чего трансформации в коммуникативной среде неизбежным образом приводят к изменениям структуры и содержания моделей мировоззрения в целом. Для достижения поставленной цели в ходе исследования применялся дискурс-анализ академических публикаций, разделенных на три основных направления: скептический, алармистский, прогрессистский. Авторы приходят к выводу о неоднозначности существующих подходов к пониманию сложных и многомерных процессов влияния цифровых коммуникаций на мировоззренческие системы. При этом потенциал влияния цифровой среды и цифровых коммуникационных технологий на содержательные и структурные аспекты мировоззренческих комплексов подавляющим большинством ученых определяется как существенный, вне зависимости от того, какого рода и характера влияние ими постулируется. Не менее значимыми представляются связанные с подобным влиянием возможности, а также риски, угрозы и вызовы в отношении трансформации систем мировоззрения, что позволяет сделать вывод об актуальности политологических исследований в данной сфере.

Ключевые слова:

мировоззрение, цифровая среда, технологические трансформации, цифровые коммуникации, ценностные коды, академический дискурс.

UDC 321.6/.8

DOI: 10.17506/18179568_2023_20_1_8

PECULIARITIES OF WORLDVIEW FORMATION IN THE CONTEMPORARY DIGITAL ENVIRONMENT: THE ANALYSIS OF ACADEMIC DISCOURSES**

Sergey V. Volodenkov,

State Academic University for the Humanities,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia,
s.v.cyber@gmail.com

Sergey N. Fedorchenko,

State Academic University for the Humanities,
National Research Nuclear University MEPhI,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia,
s.n.fedorchenko@mail.ru

Nikolai M. Pechenkin,

State Academic University for the Humanities,
Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russia,
nick_pechyonkin@mail.ru

Article received on October 11, 2022, accepted on March 7, 2023

For citation: Volodenkov, S.V., Fedorchenko, S.N., Pechenkin, N.M. (2023). Peculiarities of Worldview Formation in the Contemporary Digital Environment: The Analysis of Academic Discourses. *Discourse-P*, 20(1), 8-26. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_1_8

Abstract

This article aims to identify and study the features of the processes of forming a worldview in the current conditions of the development of modern digital space. To do this, the authors analyze the existing discourses on this issue in the academic environment. The intensive development of global and national digital infrastructure and relevant digital communication technologies, and the “immersion” of modern people in the digital

** The study was carried out within the framework of the project “FZNF-2022-0001 – Opportunities and features of the formation of a worldview in the digital environment” with the support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Expert Institute of Social Research.

environment are, according to the authors, significant factors influencing the processes of formation and transformation of existing worldview systems. This is primarily due to the communication foundations of the construction of worldview components by virtue of what transformations in the communicative environment inevitably lead to changes in the structure and content of worldview models as a whole. To achieve the research aim, the authors use a discourse analysis of academic publications classified by 3 main lines as skeptical, alarmist and progressive. It is concluded that the existing approaches to understanding the complex and multidimensional processes of the influence of digital communications on worldview systems are ambiguous. Simultaneously, the very potential of the influence of the digital environment and digital communication technologies on the content and structural aspects of worldview complexes is defined by most scientists as significant, regardless of what kind and nature of influence they postulate. No less significant are the opportunities associated with such an influence, as well as risks, threats, and challenges in relation to the transformation of worldview systems. It allows us to conclude that political science research in this area is highly relevant.

Keywords:

worldview, digital environment, technology transformations, digital communications, value codes, academic discourse.

Введение

Проблема формирования мировоззренческих смыслов в условиях масштабных цифровых трансформаций представляется чрезвычайно актуальной и в то же время дискуссионной. Очевидно, что уровень академической дискуссионности повышает сама специфичность двух сфер – мировоззренческой и цифровой, а также недостаточная теоретическая проработанность и эмпирическая обоснованность их взаимосвязи. Поэтому так важно оттолкнуться от терминологического аспекта данного вопроса.

Итак, что же такое мировоззрение? Как правило, мировоззрение означает систему идеалов человека, влияющих на его понимание того, почему мир является таким, какой он есть, каким он должен стать. Такая система идеалов способна влиять на выбор целей и мотивов в социальной, экономической и политической деятельности человека.

Мировоззрение как система идеалов человека, благодаря которой он осмысливает происходящее в мире, состоит из компонентов – ценностных кодов – символов, убеждений, устойчивых архетипов, образов, стереотипов, мифов. Признавая сложные сочетания таких кодов в культуре каждой страны, следует отметить их частую воспроизводимость в бинарном диапазоне «свое – чужое», «хорошее – плохое», «истинное – ложное» и т.п. Композиции из этих ценностных кодов способны поддерживать политическую, светскую, научную или же религиозную сущность мировоззрения. Сильно связано с ценностными кодами развитие массового сознания.

К созданию и сохранению таких ценностных кодов вне цифровой среды прямое отношение имеют семья, государство, школа, университет, партии,

массмедиа, крупные корпорации, церковь и духовные лидеры, политические лидеры, представители поп-культуры и т. д. Результатом влияния этих акторов являются механизмы социализации и идентификации, а также определенные идентичности – индивидуальные, конкретных индивидов, либо коллективные, консолидирующие социальные группы или целую страну. До появления цифрового пространства перечисленные акторы играли исключительную роль в выстраивании мировоззренческого обоснования существующего общественного устройства и политического порядка.

С конца XX столетия к механизмам конструирования мировоззренческих смыслов подключается цифровая среда, включающая, во-первых, цифровые коммуникации (порталы, сообщества социальных сетей, блоги, форумы, видеохостинги), во-вторых, «сквозные» цифровые технологии (алгоритмы, искусственный интеллект, нейросети, интернет вещей, блокчейн). Довольно часто дискурс о цифровой среде касается сетевых средств массовой информации или новых медиа.

Цифровая среда является закономерным продолжением физического мира человека, где приемы формирования мировоззрения для обоснования и закрепления социально-политического контроля все больше переплетаются, переходя на алгоритмический уровень. Цифра с древнейших времен выполняла функцию учета, а следовательно, и контроля. Но и алгоритмы как набор определенных правил, предписанный шаблон пошаговых действий, по сути, изначально обладали социально-культурной природой. Те же ритуалы поддерживали мировоззренческие картины, сохраняя в своей сути алгоритм. Вполне вероятно, что с записей писцов храмовых ритуалов Древней Месопотамии и Египта можно говорить о возникновении целой культуры контроля. Цифровое пространство как новая площадка лишь предоставила уникальные условия для ансамблирования самых разных приемов влияния на мировоззрение человека с целью контролирования его социально-политического и экономического поведения.

Отличием цифровой среды от традиционной, доцифровой, стало то, что прежнюю монополию по контролированию коммуникационных потоков у государства стали оспаривать технологические корпорации, вкладывающиеся в разработку алгоритмов цифровых коммуникаций и технологий. Активными соперниками прежних акторов (государства, семьи, партий, школы, духовных и политических лидеров) в борьбе за формирование мировоззренческих смыслов стали инфлюэнсеры – влогеры и блогеры. Перечисленные черты определили цель настоящего исследования – анализ основных академических дискурсов по вопросу формирования мировоззрения в условиях цифровой среды.

Исходя из таких особенностей, в качестве основной рабочей методологической оптики было принято решение обратиться к дискурс-анализу мнений представителей академической среды, чтобы ответить на следующие вопросы: влияет ли цифровая среда на формирование мировоззрения или является нейтральной при генерации ценностей; можно ли говорить о мировоззренческих рисках цифрового пространства; какие возможности дают цифровые технологии для формирования мировоззренческих картин? Для ответа на эти вопросы все академические дискурсы по данной проблеме были условно разделены на три направления: скептическое, алармистское и прогрессистское. Такое разделение связано с ключевым отношением групп ученых к сути проблемы.

Скептики: дискурс о нейтральности цифровой среды для мировоззрения

Красной нитью дискурса скептиков является понимание цифровых медиа и цифровой среды как некоего продолжения традиционной, доцифровой, реальности, принципиально не меняющего ценности человека. Начало дискурса скептиков среди академических кругов можно условно отсчитывать с электоральных исследований П. Лазарсфельда, которые показали, что медиа не являются решающим фактором при политическом выборе избирателей, лишь укрепляя их в уже существующей позиции. Альтернативные доводы, мнения, доносимые медиа, отвергаются (Лазарсфельд и др., 2018, с. 97–105, 145).

Вклад в скептический дискурс сделали опубликованные во второй половине XX в. эссе немецкого специалиста по медиа Г.М. Энценсбергера «Индустрия сознания» и «Элементы теории медиа». Ученый хоть и признавал сетевые особенности новых медиа, их темпоральную зацикленность на настоящем времени, текущем моменте, но отмечал, что истоки сознания находятся вне всякой индустрии. Индустрия сознания, включая те же новые медиа, может лишь воспроизводить сознание, в том числе и ложное, источником которого всегда остается диалог индивидов (Энценсбергер, 2016).

Усилил скептическую позицию тезис Дж. Клаппера об «ограниченном воздействии» медиа. По его мнению, аудитория не является пассивным объектом манипуляций со стороны медиа, наоборот, аудитория может использовать их, исходя из собственных интересов (Klarner, 1960). При этом критики такого подхода отмечают, что тезис об «ограниченном воздействии» игнорирует и не объясняет долговременного взаимодействия медиа с существующей социальной системой (Дзоло, 2010, с. 270).

Экономисты М. Генцкоу и Дж. Шапиро вообще придерживаются предположения о слабой сегрегации социальных сетей по идеологическому признаку. Причину они видят в увлечении интернет-пользователей текущими и яркими новостями. Они полагают, что пользователи перемешиваются – посещают несколько ресурсов, в том числе одни и те же. Ученые провели «мысленный эксперимент», предположив, что появление неонацистского портала не произойдет из-за скромной по числу неонацистской аудитории (Gentzkow & Shapiro, 2011).

Доктор философии и бывший аналитик корпорации Google С. Стивенс-Давидовиц, отталкиваясь от идей Генцкоу и Шапиро, выдвинул гипотезу о «нулевой политической сегрегации». По его мнению, современные интернет-коммуникации являются для индивидов лишь нейтральным медиумом, где нет определенного деления на разные политизированные сообщества. Причиной «нулевой политической сегрегации» выступают два фактора: во-первых, в сетевые сообщества поступает готовая информация с новостных сайтов, ориентирующих ее на широкие массы, а не на конкретные политизированные группы; во-вторых, часто случается так, что интернет-пользователи с одной политической позицией знакомятся с ресурсами, где доминируют прямо противоположные политические ценности и мнения (Стивенс-Давидовиц, 2018, с. 176–181). Однако исследователь почему-то опускает тот момент, что новостные агентства все же могут быть политизированными и рассчитанными на аудиторию с определенным мировоззрением (достаточно вспомнить ауди-

торию республиканцев и консервативно настроенный американский информационный канал *Fox News*, а также сайты канадских газет, сочувствующих Либеральной или Консервативной партии). Также Стивенс-Давидовиц в своей аргументации не рассматривает случай сетевых сообществ, изначально создаваемых под политические задачи.

Примечательно, что приверженцы тезиса о нейтральности не критикуют посредническую функцию технологий в переносе ценностей и признают их роль во влиянии на поведение людей, но обычно не соглашаются с наделением технологических артефактов изначально моральным, ценностным содержанием. Активной стороной признается не технологическая среда, а ее разработчики и дизайнеры. Подобный тезис о «слабой нейтральности» технологической среды аргументируют в своей статье М. Петерсон и Э. Спэн (Peterson & Spahn, 2011), споря с П.-П. Вербеком, обосновывающим идею «интерактивной моральной активности» технологических артефактов, которая обусловлена тем, что люди и технологии уже существуют в тесном единстве, а онтологическое различие между субъектом и объектом исчезает. Петерсон и Спэн считают такие идеи недостаточно обоснованными.

Группу ученых из Оксфордского университета (Fletcher et al., 2021) тоже можно вполне отнести к скептическому дискурсу. Они подвергают сомнению эффект эхо-камер, который часто рассматривается через призму конструирования гомогенной ценностной среды в условиях сообществ социальных сетей. На основе исследования семи стран – Австрии, Дании, Германии, Норвегии, Испании, Великобритании и США – авторы обнаружили, что в них, за исключением американского случая, лишь меньшинство респондентов существуют в условиях ценностно однородных эхо-камер. Выяснилось, что опрошенные получали новости не только из онлайн-источников.

Некоторые авторы (Крайнов, 2021) убеждены, что цифровая среда создает о себе множество мифов, хотя развивается, по их мнению, не так стремительно. Среди наиболее популярных цифровых мифов периода пандемии исследователи, к примеру, выделяют заблуждения о трансформации человека в биоробота после вакцинации, страхи о подключении чипированных пациентов к некоему глобальному «квантовому улью», подозрения о распылении «умной пыли» (самоорганизующихся микроскопических роботов, которых можно проглотить или выпить с водой) и т. д. Поэтому есть опасения, что подобные мифы усиливают и без того неравномерный, фрагментарный характер цифровизации социально-политической жизни, проявляясь в рудиментарном недоверии граждан к нейросетям, алгоритмам и интеллектуальным системам, принципы которых они не могут объяснить в силу отсутствия элементарного технического просвещения.

К скептическому «лагерю» можно отнести и известного исследователя цифровых медиа Л. Мановича. Он, конечно, признает, что цифровые медиа обладают уникальными особенностями, отличными от традиционных, – цифровой репрезентацией, автоматизацией, транскодингом, вариативностью, модульностью и зависимостью от программного обеспечения (софта), но, подробно разбирая феномен культурного интерфейса (компьютерной репрезентации культурных артефактов), подчеркивает, что его язык происходит от уже известных культурных форм. Текст превращается в гипертекст, расширяя возмож-

ности пользователя, а прямоугольная репрезентация культурного интерфейса в компьютерах, гаджетах вообще сохраняется с формы прямоугольной рамки картин художников эпохи Возрождения (Манович, 2018, с. 108–119).

Алармисты: дискурс о мировоззренческих рисках цифрового пространства

Дискурсивное направление, признающее факт технологического воздействия на ценности через ракурс мировоззренческих рисков и угроз, можно условно определить как алармистское. Социолог С. Лэш описывает сдвиг от видимой гегемонии к скрытой постгегемонии, при которой властные отношения возникают в самом повседневном коммуникационном процессе, использующем интерфейсы, связанные протоколами. В основе такой постгегемонистской власти – алгоритмы как новые регулятивные правила, широко распространяющиеся в нашей культурной и социальной жизни и делающие взаимодействие людей возможным (Lash, 2007, pp. 55–78). Идеи Лэша разделяет ученый Йоркского университета Д. Биар. Кстати, при такой постгегемонистской алгоритмизированной власти ученые (Кузнецов, 2020) поднимают и этические проблемы непрозрачности, неконтролируемости алгоритмов, нейросетей даже для разработчиков (достаточно вспомнить казус с системой *Google Photos*, когда алгоритмы относили чернокожих людей к гориллам).

С. Лэш, к сожалению, дальше не развивает свою идею «власти через алгоритм». Зато к мировоззренческим рискам цифрового пространства обращается Дж. Чейни-Липпольд, предлагая дефиницию «новой алгоритмической идентичности», которая выявляется из анонимных пользователей благодаря алгоритмам (Cheney-Lippold, 2011). И хотя пользователь может выбрать, к примеру, какие данные указывать о себе на цифровой платформе, он все равно может быть ограничен определенным числом вариантов, что влияет и на культурный дискурс, и даже на идентификацию индивида. Такие корректировки обусловлены маркетинговыми исследованиями, проводимыми корпорациями, заинтересованными в получении прибыли. Однако возникает вопрос, через какой механизм цифровая среда способна осуществлять корректировку мировоззрения или же формировать целые идентичности? И здесь логично обратиться к особенности дискурса об эхо-камерах.

Существуют ученые, которые не соглашаются со скептической оценкой влияния эхо-камер на ценности, идеалы человека. Исследования Ш. П. ван Валкенбурга из Калифорнийского университета в Санта-Барбаре (Valkenburgh, 2019) показали, что на платформе *Reddit* существуют сетевые сообщества, где именно в условиях эхо-камер могут формироваться и доминировать довольно агрессивные виды мировоззрения. Валкенбург фиксирует такое мировоззрение на примере маносферы сообществ *Reddit* – мужских сетевых групп, в которых в основном активна женоненавистническая риторика. Из-за анонимности сообщества радикализируют мировоззрение маносферы. В них в марксистской логике к женщинам предъявляются различного плана претензии: «женщины как капиталисты», «брак как феодализм», «женщина для мужчины – это как правительство для капитализма», «мужское сетевое сообщество создано для соблазнения, что оправдано революционной

логикой». При этом особенности сообществ *Reddit* предоставляют возможность модераторам курировать идейные тексты, размещать их на видном и доступном месте, консолидируя группу вокруг ее идеологического ядра.

Вполне возможно, что отчасти эффекту эхо-камер способствует, во-первых, заинтересованность цифровых корпораций в развитии собственных платформ в виде закрытых приложений из зависимой сетевой инфраструктуры (о чем пишет Н. Срничек), во-вторых, проведение технологическими гигантами экспериментов в сфере поведенческой инженерии (на основе работ Б. Ф. Скиннера и А. Пентленда). Ш. Зубофф как раз указывает на специфику создаваемых цифровыми платформами ульев (Зубофф, 2022, с. 588, 594, 600): происходит беспрецедентное усиление социального сравнения (зеркала) в коммуникации; фиксируется «инфляция профиля» – вместо стабильной идентичности распространяются идентичности-хамелеоны, постоянно подстраивающиеся под внешние ценности, идеи, интересы и мнения (этот тезис пересекается с моделью Дж. Чейни-Липпольда); «лайки» становятся механизмом оценки такой идентичности-хамелеона. Немецкий автор Л. Ульбрехт усматривает проблему в автоматизированных техниках *demos scraping* по сбору данных о пользователях (Ulbricht, 2020), которые создают риски распространения граждан с потребительно ориентированным мировоззрением, скептически относящихся к своей политической ответственности. Между тем слабой стороной алармистских трактовок, которые предлагают Лэш, Зубофф, Ульбрехт, Чейни-Липпольд и др., видится их излишняя концентрированность на негативных трендах цифровой сферы. В них не хватает конкретных рекомендаций по купированию цифровых рисков, угроз для имеющих мировоззренческих картин.

Процесс формирования мировоззрения нельзя оторвать от ощущения исторического хода времени, темпорального режима, принятого в конкретном обществе. Но усовершенствование прогнозных техник и предиктивной аналитики, согласно предположению австрийского ученого А. Аванесяна, как раз создает организованные алгоритмами сложно-темпоральные социумы. Политическая власть, пользуясь этими технологиями, переходит к режиму премедиаии с установкой не на настоящее, а на упреждение будущей угрозы (Аванесян, 2021, с. 21–24, 59). Цифровая среда способствует внедрению новой темпоральности – рекурсивной интеграции будущего в настоящее. Такая «сквозная» технология, как блокчейн, по мнению А. Евангели, преобразует в архив любую транзакцию и распыляет традиционные формы коллективного времени. Возникают новые иммерсивные архивы, организующие через алгоритмы само прошлое исходя из цифровой логики больших баз данных (Евангели, 2019, с. 68, 86, 188). Иммерсивный архив посредством блокчейн претендует на производство исторической информации наподобие любого другого продукта капитализма. Экосистемы данных составляют хроноценозы – сочетание разных темпоральностей. История перестает быть устойчивой, инструментализуется и становится вариативной, спекулятивной (такие тезисы вполне соотносятся с известной концепцией постправды).

В. Д. Емельяненко полагает, что негативные проявления Интернета в основном представляют риски для того человека, который является неразвитым в мировоззренческом отношении. Ученый объясняет это тем, что интернет-пространство своей спецификой изменяет коммуникационные

основы мировоззрения: происходит упрощение общения; замедляется нравственная социализация подрастающего поколения, снижается адекватность их морального выбора; растущая скорость информации меняет прежние ритмы осмысливания контента в ценностном, политическом плане, индивид физически не успевает переработать полученные идеи из цифровой среды, адаптировав их под свои идеалы и принципы (Емельяненко, 2013).

Почетный профессор Сорбонны Ж.-М. Бенье в своей работе (Besnier, 2013) обращает внимание на еще более фатальную угрозу: конвергенция технологий порождают неумеренность и формирует не просто новое мировоззрение, а утопии цифровой эпохи, что отчетливо видно на примере идей трансгуманизма – уверенности группы людей в неперменном приходе доселе неизвестного вида вместо человека – постчеловека и постчеловечества, технологически усовершенствованного и не ограниченного возможностями привычного тела. Другими словами, в цифровых утопиях заложен серьезный риск отхода от человеческой природы.

Сохраняющуюся популярность алармистского тренда в академических кругах можно отчасти объяснить тем, что некоторые зарубежные и российские ученые фактически продолжили давнюю традицию¹ обсуждения проблематики «индустрии образов», манипулятивных технологий пропаганды, сместив исследовательский фокус с изучения газет, журналов, радио, книгоиздательств, кинофильмов, телевидения на анализ подобных или схожих практик в «сквозных технологиях» (искусственного интеллекта, алгоритмов, нейросетей, интернета вещей, метавселенных) и новых медиа (сообществ социальных сетей, блогов, видеохостингов, форумов).

Любопытно, что тематика постепенной адаптации капитализма к новым социальным и технологическим условиям также перешла из научных работ прошлого века о манипуляциях в нынешний алармистский дискурс и, по сути, обладает функциями объяснительной модели. Оценивая алармистский подход с критических позиций, следует отметить серьезный крен в сторону экономоцентризма, стремление интерпретировать мировоззренческие последствия технологических трансформаций, исходя из эволюции самого капитализма. Практически не предпринимается анализ ценностей и мировоззренческих предпочтений самих акторов нового капитализма – цифровых корпораций и их владельцев (при этом в свое время интересная интеллектуальная провокация была предложена М. Вебером, попытавшимся изучить аксиологическую составляющую капитализма через ракурс эволюции протестантизма). Хотя появляются и любопытные работы, подходящие к проблеме с другой стороны.

¹ Так, представители Франкфуртской школы М. Хоркхаймер и Т. Адорно в своем известном эссе «Культурная индустрия. Просвещение как способ обмана масс», входящем в «Диалектику просвещения», как раз акцентировали внимание на формировании массы – потребителя культурной индустрии и объекта манипулирования. Аспекты монополизма средств массмедиа, телерейтингов, влияния рекламодателей, развлекательных программ, псевдособытий, длительной трансляции стереотипов, «упаковки» и «продажи» политических имиджей детально проанализировал на конкретных примерах советский автор Н. П. Попов в своей книге «Индустрия образов: Идеологические функции средств массовой информации в США».

К примеру, российский ученый В. П. Пугачев, отталкиваясь от гипотезы тоталитарной мутации, перерождения капитализма, пишет о появлении особого типа демототалитарных государств, сочетающих признаки слабеющей демократии и нарастающего тоталитаризма. Власть в таких условиях для управления массовым сознанием обращается к средствам цифровой среды – социальным сетям, формирующим «калейдоскопическое мировоззрение» (нестабильный тип мировоззрения как результат регулярного информационного давления на человека разрозненных, не связанных друг с другом событий). Спецификой такого мировоззрения, воспроизводимого через Интернет, является ценностный релятивизм, а также зависимость от постоянно генерируемых новых мифов (Пугачев, 2022, с. 16, 85–107).

Конечно, мифы (например, архаичные) и раньше участвовали в зарождении и поддержании мировоззренческих картин, однако они формировались во многом стихийно. Отличительной же особенностью цифровой среды становится возможности ее интернет-коммуникаций по трансляции новых мифов: с одной стороны, есть массовый охват совершенно разных аудиторий, с другой – благодаря приемам *Big Data* и искусственного интеллекта существует точечное, таргетированное донесение конкретной мифологемы до конкретной социальной группы. В. П. Пугачев считает, что масштабная мифологизация массового сознания посредством интернет-коммуникаций оборачивается снижением уровня критического мышления человека. Радикальные изменения, пришедшие с новыми медиа, способствуют массовому конформизму (закладывают «социальный механизм производства массовой политической апатии»).

Другой слабой чертой алармистских работ можно обозначить их склонность к излишней драматизации мировоззренческих последствий внедрения искусственного интеллекта и других «сквозных технологий». Выявление негативных трендов и закономерностей стратегически необходимо для общества, государства и человека, но в современной академической сфере важно уходить от конспирологических трактовок и оценок.

Прогрессисты: дискурс о возможностях цифровой среды для мировоззрения

Исследователей, занимающих позицию, согласно которой даже при всей неоднозначности и противоречивости развития цифровой среды и цифрового капитализма можно рассчитывать на мировоззренческий прогресс, резонно условно отнести к прогрессистам. Как правило, эти ученые принципиально не согласны с представителями скептического дискурса, не верящими в возможности влияния цифровых технологий на мировоззренческую картину. Прогрессисты не всегда отрицают дискурс алармистов, но в отличие от них усматривают в цифровых медиа не только разрушительную, деструктивную роль. Их дискурс принципиально интересен тем, что в нем бывает полезно обнаружить разного плана рекомендации и предложения для использования технологий с целью неких позитивных социально-политических изменений.

Основатель Школы гипермедиа Университета Вестминстера Р. Барбрук в своей работе «Интернет-революция» не просто критикует мифы о свободном рынке и индивидуалистическую калифорнийскую идеологию «цифровых ре-

месленников», но и полагает, что развитие информационных технологий уже способствует коллективным формам поведения, экономике дарения (свободный файлообмен, обмен идеями в Интернете), а следовательно, приведет к становлению мировоззрения киберкоммунизма (Барбрук, 2015, с. 46, 100–108).

Р. Барбрук совсем не одинок в подобных оценках. Финский автор П. Химанен, отталкиваясь от ряда идей М. Кастельса и обращаясь к специфическому мировоззрению хакеров, полагает, что принципы их сетевой этики (регулярный обмен информацией, среда постоянного обучения друг друга) приведут к построению совершенно новой – открытой – социальной модели (Химанен, 2019, с. 96–97).

Присутствие в академическом дискурсе такой прогрессистской позиции можно связать и с концепцией «эпистемологических сдвигов мировоззрения», отталкивающейся от деления человеческой истории на три эпистемологических периода – домодернистский, модернистский и постмодернистский. Так, Р. Фрэнч (French, 2016) объясняет мировоззренческие сдвиги различными технологическими трансформациями (к примеру, последний постмодернистский сдвиг проявляется в недоверии к прежним авторитетам, участвующим в формировании мировоззренческих картин, – ученым, политикам, государственным деятелям, и был, по сути, спровоцирован развитием радио, телевидения и Интернета).

Большое значение зарубежные авторы уделяют развитию демократических ценностей и практик. Часто в основе такой романтизированной уверенности в то, что технологии позитивно повлияют на общество и государство, идеалы их граждан, находится технополитический подход, согласно которому демократия – это некий постоянный процесс, имеющий хорошие перспективы на цифровых платформах с открытым исходным кодом, понятным гражданам (Kellner, 1999). Естественно, такой подход необходимо сопоставлять с противоположными оценками со стороны алармистов, не упуская из виду их грамотный и глубокий анализ рисков капитализма платформ. На таких позициях, например, находится профессор Университета Лидса С. Коулман. Его модель «замедления демократии» исходит из того тезиса, что цифровые платформы могут усовершенствовать существующие демократические институты, если их интерфейс позволит гражданам знакомиться с итогами голосования, комментировать стенограммы парламента, создавать собственные новостные ленты (Коулман, 2018, с. 90–107). Но самые важные тезисы Коулмана касаются проблемы демократических компетенций, к которым он относит способность «осмыслить политическое», «быть открытым к обмену аргументами», «восприниматься значимым», «внести значимый вклад». Такие проекты, действительно, имеются: платформа *TheyWorkForYou*, программное обеспечение от некоммерческой организации *mySociety* и др.

Австралийский исследователь С. Маккуайр, вовсе не отрицающий доводы последовательных алармистов об угрозах и рисках цифровой среды, предлагает изучать функционал технологий, дающих потенциал для новых способов коллективного восприятия событий, в том числе и политических (Маккуайр, 2018). При этом он пишет, что современное социальное взаимодействие, по сути, уже социотехническое. По мнению Маккуайра, если технологическая новация создает условия для коллективных действий, то могут поменяться и процедуры

социального взаимодействия. Изучая публичные экраны в городах, ученый пришел к выводу, что они задают новые протоколы культурного обмена, сочетающие элементы игры и формирующие чувство эмоциональной близости между совершенно незнакомыми людьми (с. 194–199, 212). Также Маккуайр приводит примеры таких цифровых артефактов, как медиафасады, которые обладают потенциалами научения граждан демократическим ценностям.

Стратегическую значимость в академическом дискурсе приобретает тезис о конструировании национальных метавселенных, сохраняющих ценности страны, ее общества. В связи с этим отечественные авторы А. В. Савченко и А. П. Сегал отмечают, что тот актер, который контролирует виртуальное пространство, контролирует также культурный дискурс и смыслы. Поэтому для России так важно конструировать собственный сегмент цифрового пространства – цифровой суверенитет и культурный суверенитет смогут поддерживать друг друга: «Или мы достаточно полно и качественно сделаем это у себя, привлекая пользователей со всего мира, или наша молодежь, словно за дудочкой гамельнского крысолова, уйдет за всем этим в чужие секторы метаверса» (Савченко, Сегал, 2021).

И все же необходимо указать на определенную уязвимость прогрессистского подхода. Так, излишне идеализированные представления о том, что Интернет, цифровая сфера обязательно приводят к демократизации и торжеству демократических ценностей (пресловутая доктрина *Google*), отдельные авторы расценивают как несостоятельные и считают киберутопизмом. Обращает на себя внимание и тот факт, что даже подходы в США к самой идее свободного Интернета диаметрально полярные: если американские дипломаты эту идею поддерживают и превозносят за границу, то американские спецслужбы и правоохранительные органы, напротив, придерживаются иного видения (Морозов, 2014, с. 31, 94–102, 275). Конфигурация же интернет-коммуникаций больше благоприятствует развлечениям, деполитизирующей сетевой дискурс поп-культуре, чем повышению политической грамотности.

Выводы

По итогам проведенного анализа академических дискурсов мы можем констатировать неоднозначность позиций современных ученых по отношению к роли и особенностям воздействия на мировоззрение процессов, связанных с цифровыми технологическими трансформациями в коммуникационной сфере.

В первую очередь, по нашему мнению, данное обстоятельство связано со сложностью, комплексностью и многомерностью самого феномена мировоззрения, чьи компоненты формируются и трансформируются на основе множества влияющих друг на друга факторов, с трудом поддающихся фиксации в динамике.

Одновременно с этим, несмотря на различия и даже противоречия выделенных нами подходов к пониманию и решению данного исследовательского вопроса, следует заметить, что сам потенциал влияния цифровой среды и цифровых коммуникационных технологий на содержательные и структурные аспекты мировоззренческих комплексов подавляющим большинством ученых

определяется как существенный, вне зависимости от того, какого рода и характера влияние ими постулируется.

Не менее значимыми выступают и связанные с проблемой влияния цифровой среды на мировоззренческие конструкты риски, угрозы, вызовы и возможности, комплекс которых в своей совокупности хотя и не позволяет сформулировать однозначный сценарий трансформации мировоззрения в цифровую эпоху, тем не менее свидетельствует о взаимосвязи и взаимовлиянии структурных, содержательных и функциональных параметров существующих и формирующихся на сегодняшний день моделей мировоззрения и массовой цифровой коммуникации.

Разным подходам не хватает конкретизации особенностей роли цифровых технологий в мировоззренческом дизайне, хотя такая специфика есть, поэтому ее следует изучать:

- сетевой, интерактивный, модульный характер интернет-коммуникаций;
- гипертекстуальность контента (трансформация текста в гипертекст благодаря цифровой архитектуре обуславливает специфику информационного потребления);
- сопровождение ценностного контекста креолизованными элементами (эмотиконами, интернет-мемами, символами, что выводит генерацию новых мифов на новый уровень и позволяет говорить о ремифологизации);
- фактор алгоритмической связности, обусловленности и предвзятости интернет-контента, зависимости ценностной повестки от интересов цифровых акторов.

Вместе с тем, несмотря на приведенную критику алармистского подхода, следует признать, что работы его представителей все же имеют важное социальное значение. Во-первых, алармисты постоянно «подсвечивают» опасные процессы, подчеркивают серьезные вызовы цифровой среды, цифрового капитализма для привычных институтов формирования мировоззренческих картин – семьи, общества, государства, партий. Во-вторых, актуализация угроз в алармистских исследованиях, накопление в них эмпирики, аналитики по манипуляциям с ценностями необходимы академическому сообществу для назревшего перехода к следующему этапу – росту прикладных разработок и проектных исследований, содержащих конкретные рекомендации для общества, правительства, бизнеса по купированию рисков драматических, необратимых и непоправимых мировоззренческих трансформаций. В-третьих, алармистский подход, как наиболее медийно освещенный, на деле обладает провокативным характером в отношении сторонников скептического и прогрессистского подходов. Тактика регулярных алармистских провокаций заставляет скептиков и прогрессистов развивать и обновлять собственные модели, опять же создает условия для генерации конкретных предложений, рекомендаций по известной схеме А. Тойнби «вызов – ответ». Наконец, в-четвертых, алармистский дискурс уже дал хороший импульс перспективному направлению политологических и междисциплинарных исследований в области цифрового, технологического суверенитета.

В связи с данными обстоятельствами мы можем сделать вывод о высокой актуальности комплексных политологических исследований в сфере цифровых трансформаций в мировоззренческой сфере, что особенно важно для современ-

ных государств, стремящихся сохранить в условиях агрессивной глобализации цифровых коммуникационных процессов собственную независимость и национальный суверенитет, в том числе в ценностно-смысловом пространстве.

Список литературы

1. Аванесян, А. (2021). *Майяификация*. М.: Ад Маргинем Пресс.
2. Барбрук, Р. (2015). *Интернет-революция*. М.: Ад Маргинем Пресс.
3. Дзоло, Д. (2010). *Демократия и сложность: реалистический подход*. М.: Издательский дом ВШЭ.
4. Евангели, А. (2019). *Формы времени и техногенная чувственность*. Нижний Новгород: Красная ласточка.
5. Емельяненко, В.Д. (2013). Интернет и ценностно-мировоззренческие основания морали. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*, (9–2), 58–62.
6. Зубофф, Ш. (2022). *Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти*. М.: Институт Гайдара.
7. Коулман, С. (2018). *Может ли Интернет укрепить демократию?* СПб.: Алетейя.
8. Крайнов, А.Л. (2021). Место человека в цифровом мире: мифы и факты. *Философия и гуманитарные науки в информационном обществе*, (3), 37–44.
9. Кузнецов, А.Г. (2020). Туманности нейросетей: «черные ящики» технологий и наглядные уроки непрозрачности алгоритмов. *Социология власти*, 32(2), 157–182.
10. Лазарсфельд, П., Берельсон, Б., Год, Х. (2018). Выбор народа: как избиратель принимает решение в президентской кампании. Ульяновск: УлГУ.
11. Маккуайр, С. (2018). *Геомедиа: сетевые города и будущее общественного пространства*. М.: Strelka Press.
12. Манович, Л. (2018). *Язык новых медиа*. М.: Ад Маргинем Пресс.
13. Морозов, Е. (2014). *Интернет как иллюзия. Обратная сторона сети*. М.: АСТ; CORPUS.
14. Пугачев, В.П. (2022). *Глобалистский тоталитаризм: Социальные мутации цифрового капитализма: формирование человека и манипулятивные технологии управления*. М.: URSS.
15. Савченко, А.В., Сегал, А.П. (2021). Метаверс – как это по-русски? О построении русского сектора метавселенной. *Искусственные общества*, 16(4). <https://doi.org/10.18254/S207751800017910-0>
16. Стивенс-Давидовиц, С. (2018). *Все лгут. Поисквики, Big Data и Интернет знают о вас все*. М.: Эксмо.
17. Химанен, П. (2019). *Хакерская этика и дух информационализма*. М.: АСТ.
18. Энценбергер, Г.М. (2016). *Индустрия сознания. Элементы теории медиа*. М.: Ад Маргинем Пресс.
19. Besnier, J. (2013). What are the utopias of the digital age? *Études*, 419(7–8), 43–51.

20. Cheney-Lippold, J. (2011). A new algorithmic identity: Soft biopolitics and the modulation of control. *Theory, Culture & Society*, 28(6), 164–181. <https://doi.org/10.1177/0263276411424420>
21. Fletcher, R., Robertson, C. T., & Nielsen, R. K. (2021). How many people live in politically partisan online news echo chambers in different countries? *Journal of Quantitative Description: Digital Media*, (1). <https://doi.org/10.51685/jqd.2021.020>
22. French, R. P. (2016). Deconstructing the end of leadership: Postmodernity, epistemology, and worldviews. *SAGE Open*, 6(7). <https://doi.org/10.1177/2158244016628588>
23. Gentzkow, M., & Shapiro, J. M. (2011). Ideological segregation online and offline. *Quarterly Journal of Economics*, (4), 1799–1839. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1588920>
24. Kellner, D. (1999). Globalisation from below? Toward a radical democratic technopolitics. *Angelaki: Journal of the Theoretical Humanities*, 4(2), 101–113. <https://doi.org/10.1080/09697259908572039>
25. Klapper, J. T. (1960). *The effects of mass communications*. New York: Free Press.
26. Lash, S. (2007). Power after hegemony. *Cultural Studies in Mutation, Theory, Culture & Society*, 24(3), 55–78. <https://doi.org/10.1177/0263276407075956>
27. Peterson, M., & Spahn, A. (2011). Can technological artefacts be moral agents? *Science and Engineering Ethics*, 17(3), 411–424. <https://doi.org/10.1007/s11948-010-9241-3>
28. Ulbricht, L. (2020). Scraping the demos. Digitalization, web scraping and the democratic project. *Democratization*, 27(3), 426–442. <https://doi.org/10.1080/13510347.2020.1714595>
29. Valkenburgh, S. P. van. (2019). “She thinks of him as a machine”: On the entanglements of neoliberal ideology and misogynist cybercrime. *Social Media+ Society*, 5(3). <https://doi.org/10.1177/2056305119872953>

References

1. Avanesyan, A. (2021). *Majyamifikaciya* [Mayamification]. Moscow: Ad Marginem Press.
2. Barbrook, R. (2015). *Internet-revolyuciya* [The Internet revolution]. Moscow: Ad Marginem Press.
3. Besnier, J. (2013). What are the utopias of the digital age? *Études*, 419(7–8), 43–51.
4. Cheney-Lippold, J. (2011). A new algorithmic identity: Soft biopolitics and the modulation of control. *Theory, Culture & Society*, 28(6), 164–181. <https://doi.org/10.1177/0263276411424420>
5. Coleman, S. (2018). *Mozhet li Internet ukrepit' demokratiyu?* [Can the Internet strengthen democracy?]. Saint Petersburg: Aletejya.
6. Emelianenko, V. D. (2013). Internet i cennostno-mirovozzrencheskie osnovaniya morali [Internet and value-ideological foundations of morality]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, (9–2), 58–62.

7. Enzenberger, H.M. (2016). *Industriya soznaniya. E'lementy teorii media* [The industry of consciousness. Elements of media theory]. Moscow: Ad Marginem Press.
8. Evangeli, A. (2019). *Formy vremeni i texnogennaya chuvstvennost'* [Forms of time and technogenic sensibility]. Nizhny Novgorod: Krasnaya lastochka.
9. Fletcher, R., Robertson, C.T., & Nielsen, R.K. (2021). How many people live in politically partisan online news echo chambers in different countries? *Journal of Quantitative Description: Digital Media*, (1). <https://doi.org/10.51685/jqd.2021.020>
10. French, R.P. (2016). Deconstructing the end of leadership: Postmodernity, epistemology, and worldviews. *SAGE Open*, 6(7). <https://doi.org/10.1177/2158244016628588>
11. Gentzkow, M., & Shapiro, J.M. (2011). Ideological segregation online and offline. *Quarterly Journal of Economics*, (4), 1799–1839. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1588920>
12. Himanen, P. (2019). *Xakerskaya e'tika i dux informacionalizma* [The hacker ethics and the spirit of informationalism]. Moscow: AST.
13. Kellner, D. (1999). Globalisation from below? Toward a radical democratic technopolitics. *Angelaki: Journal of the Theoretical Humanities*, 4(2), 101–113. <https://doi.org/10.1080/09697259908572039>
14. Klapper, J.T. (1960). *The effects of mass communications*. New York: Free Press.
15. Krainov, A.L. (2021). Mesto cheloveka v cifrovom mire: mify i fakty [Human place in the digital world: Myths and facts]. *Filosofiya i gumanitarnye nauki v informacionnom obshhestve*, (3), 37–44.
16. Kuznetsov, A.G. (2020). Tumannosti nejrosetej: “chernye yashhiki” texnologij i naglyadnye uroki neprozrachnosti algoritmov [Neural network nebulae: “Black boxes” of technologies and object-lessons from the opacities of algorithms]. *Sociologiya vlasti*, 32(2), 157–182.
17. Lash, S. (2007). Power after hegemony. *Cultural Studies in Mutation, Theory, Culture & Society*, 24(3), 55–78. <https://doi.org/10.1177/0263276407075956>
18. Lazarsfeld, P., Berelson, B., & Gaudet, H. (2018). *The people's choice: How the voter makes up his mind in a presidential campaign*. Ulyanovsk: UIGU.
19. Manovich, L. (2018). *Yazyk novyx media* [The language of new media]. Moscow: Ad Marginem Press.
20. McQuire, S. (2018). *Geomedia: setevye goroda i budushhee obshhestvennogo prostranstva* [Geomedia: Networked cities and the future of public space]. Moscow: Strelka Press.
21. Morozov, E. (2014). *Internet kak illyuziya. Obratnaya storona seti* [The Net delusion. The dark side of Internet freedom]. Moscow: AST & CORPUS.
22. Peterson, M., & Spahn, A. (2011). Can technological artefacts be moral agents? *Science and Engineering Ethics*, 17(3), 411–424. <https://doi.org/10.1007/s11948-010-9241-3>
23. Pugachev, V.P. (2022). *Globalistskij totalitarizm: Social'nye mutacii cifrovogo kapitalizma: formirovanie cheloveka i manipulyativnye texnologii upravleniya* [Globalist totalitarianism: Social mutations of digital capitalism: Human formation and manipulative control technologies]. Moscow: URSS.
24. Savchenko, A.V., & Segal, A.P. (2021). Metavers – kak e'to po-russki?

О построении русского сектора метавселенной [Metaverse – how is it in Russian? About the construction of the Russian sector of the metaverse]. *Iskusstvennye obshchestva*, 16(4). <https://doi.org/10.18254/S207751800017910-0>

25. Stevens-Davidowitz, S. (2018). *Vse lgot. Poiskoviki, Big Data i Internet znayut o vas vse* [Everybody lies. Search engines, Big Data and the Internet know everything about you]. Moscow: E'ksmo.

26. Ulbricht, L. (2020). Scraping the demos. Digitalization, web scraping and the democratic project. *Democratization*, 27(3), 426–442. <https://doi.org/10.1080/13510347.2020.1714595>

27. Valkenburgh, S.P. van. (2019). “She thinks of him as a machine”: On the entanglements of neoliberal ideology and misogynist cybercrime. *Social Media+Society*, 5(3). <https://doi.org/10.1177/2056305119872953>

28. Zolo, D. (2010). *Demokratiya i slozhnost': realistskij podxod* [Democracy and complexity: A realist approach]. Moscow: Izdatel'skij dom VShE'.

29. Zuboff, S. (2022). *E'poxa nadzornogo kapitalizma. Bitva za chelovecheskoe budushhee na novyx rubezhax vlasti* [The age of surveillance capitalism: The fight for a human future at the new frontier of power]. Moscow: Institut Gajdara.

Информация об авторах

Сергей Владимирович Володенков, доктор политических наук, главный научный сотрудник научно-проектного отдела научно-инновационного управления, Государственный академический университет гуманитарных наук; профессор кафедры государственной политики, факультет политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2928-6068>, e-mail: s.v.cyber@gmail.com

Сергей Николаевич Федорченко, доктор политических наук, главный научный сотрудник научно-проектного отдела научно-инновационного управления, Государственный академический университет гуманитарных наук; профессор, ведущий эксперт, старший научный сотрудник кафедры управления наукоемкими отраслевыми и региональными проектами, Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ», доцент кафедры истории и теории политики, факультет политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6563-044X>, e-mail: s.n.fedorchenko@mail.ru

Николай Михайлович Печенкин, лаборант, Государственный академический университет гуманитарных наук; научный сотрудник, преподаватель департамента политологии, факультет социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ, Москва, Россия. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7846-4847>, e-mail: nick_pechyonkin@mail.ru

Information about the authors

Sergey Vladimirovich Volodenkov, Doctor of Political Sciences, Chief Researcher, Research and Design Department of the Scientific and Innovation Department, State

Academic University for the Humanities; Professor, Department of Public Policy, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2928-6068>, e-mail: s.v.cyber@gmail.com

Sergey Nikolaevich Fedorchenko, Doctor of Political Sciences, Chief Researcher, Research and Design Department of the Scientific and Innovation Department, State Academic University for the Humanities; Professor, Leading Expert, Senior Researcher, Department of Management of Science-Intensive Sectoral and Regional Projects, National Research Nuclear University MEPhI, Associate Professor, Department of History and Theory of Politics, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6563-044X>, e-mail: s.n.fedorchenko@mail.ru

Nikolai Mikhailovich Pechonkin, Laboratory Assistant, State Academic University for the Humanities; Researcher, Lecturer, Department of Political Science, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7846-4847>, e-mail: nick_pechyonkin@mail.ru